

УДК 114

Ю.А. Бедаш*

О ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА

Одной из особенностей постметафизического мышления является обращение к пространственному аспекту человеческого существования, получившее статус «пространственного поворота». При этом главный интерес представляет не вопрос «Что такое пространство?» (ответами на который являются метафизические концепции пространства), а связка «общество—действие—пространство». Иначе говоря, речь идет о смещении интереса: от пространства как предмета исследования (пространства «в себе») к пространственному измерению социальной жизни. Анализируя связь социальной динамики с трансформацией представлений о пространстве, выражающейся в переходе от метафизических к постметафизическим трактовкам пространства, в настоящем исследовании ставится задача перед собой задачу выявить эвристический потенциал постметафизических концепций для современной социальной философии.

Ключевые слова: пространство, постметафизические концепции пространства, пространственный поворот, ориентированная на действие парадигма.

Проблематика пространства становится все более значимой в современных гуманитарных и социальных исследованиях. Данное обстоятельство базируется на ряде причин, среди которых: вступление современных западных обществ в постиндустриальную (информационную) эпоху, рост национального самосознания в бывших колониях, возникновение глобальных городов и рост влияния транснациональных корпораций, медиакомпаний и неправительственных организаций по всему миру. Иными словами, речь идет о процессах глобализации и возникновении новой — трансграничной — локальности, которая, как известно, не только характеризует геополитическую констелляцию, но оказывает серьезное влияние на формирование тематических приоритетов в гуманитарных исследованиях.

Произошедшие социальные изменения говорят как о кризисе национального государства, так и о кризисе доминирующего прежде — метафизического — языка описания социального мира, в котором пространство предстает в виде статичного контейнера, структура которого не зависит от социальной динамики. Диверсификация пространственных отношений, связанная с процессами глобализации, стала поводом для пересмотра не только устоявшихся концепций пространства, но и самой связи между пространством и обществом. Факт того, что социальные трансформации ведут к пересмотру устоявшихся теорий и представлений о пространстве, указывает на существующую связь между интерпретациями пространства и способами описания общества. Обнаружение социальной релевантности проблематики пространства привело к так

* © Бедаш Ю.А., 2015

Бедаш Юлия Анатольевна (ybiedash@hse.ru), Школа культурологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

называемому «пространственному повороту»: из узкодисциплинарной темы пространство превратилось в проблему, анализом которой занимается целое множество исследовательских направлений — от медиа- до постколониальных исследований.

Появление новых проблем обнаружило необходимость в разработке новых — пост-метафизических — подходов для анализа пространства, которые позволили бы критически переосмыслить современные пространственные отношения и дать более комплексные определения пространству как феномену, имеющему одновременно физико-метрическое и символично-сигнификативное измерения, что обнаруживается при анализе его социальной роли, которая долгое время оставалась на периферии философского интереса.

Несмотря на то что тема пространства рассматривалась многими философами, она тем не менее долгое время не имела статуса философской проблемы. Именно время, а не пространство, издавна считалось подлинно философской проблемой. На протяжении многих столетий пространство и время противопоставлялись как области внешнего (материального, неподлинного, бесконечно делимого, ложного) и внутреннего (идеального, подлинного, неделимого, истинного) с очевидным ценностным, онтологическим и гносеологическим перевесом в пользу феномена времени. Как известно, этот раскол времени и пространства находит свое выражение в картезианском дуализме души и тела, в основании которого, необходимо заметить, лежит определенное представление о пространстве. Речь идет о весьма расхожем — в том числе и в социально-политическом дискурсе — субстанциалистско-абсолютистском (контейнерном) представлении о пространстве, которое, в свою очередь, имплицитно (метафизическую) позицию исследователя как «стороннего» наблюдателя.

Рассматривая развитие философии пространства как движение от метафизических к постметафизическим концепциям, мы попытаемся в данной статье указать не только на характерную для этого перехода смену акцентов в исследовании пространства, но также обнаружить социально-философский потенциал современных (постметафизических) подходов.

Пространственный поворот: от метафизических к постметафизическим концепциям пространства

За «пространственным поворотом» в социальных и гуманитарных науках, о котором впервые заговорили в 80-е гг. XX в., стоит эпистемологический кризис, выражающийся в бессилии этих наук описать существующие социально-пространственные практики (претерпевшие значительные трансформации в ходе процессов глобализации и урбанизации) с опорой на прежние представления о пространстве. «Пространственный поворот» можно описать как переход от метафизических (тео- и логоцентристских и реистских) к постметафизическим концепциям пространства.

Чтобы глубже понять основные мотивы «пространственного поворота», мы рассмотрели ключевые тезисы и социально-философские импликации метафизических концепций, дифференцировав их на домодерные и модерные — в соответствии с характерными для каждого периода «социальными воображаемыми», конститутивной частью которых являются содержащиеся в них представления о пространстве. Домодерные концепции как в субстанциалистской (Декарт, Ньютон), так и в реляционистской (Лейбниц) версиях носят спекулятивно-метафизический характер: Ньютон называет пространство «сенсориумом Бога», а Лейбниц находит ему «достаточное основание» в абсолютной субстанции — «монаде монад» (Боге). Экспликация этих моделей пространства осуществляется посредством реификации: если в абсолютистско-субстанциалистских концепциях овеществляется само пространство (трактующееся в качестве субстанции, «контейнера»), то в реляционистской концепции овеществление происходит ввиду внемировой позиции самого исследователя (Лейбница), который, трактуя пространство реляционно-динамически, занимает тем не менее позицию вне него.

Теоцентризм и реизм домодерных концепций пространства коррелирует с социальными отношениями («закрепленными» в пространстве и времени) домодерного общества с характерными для него жесткой иерархической структурой и соответствующими — религиозно-метафизическими — описанием и обоснованием. В этом строго структурированном социальном порядке положение индивидов в мире и их отношения являются достаточно ригидными и определяются традицией, а не личными достижениями (действиями).

Критика подобных взглядов на пространство, равно как и на социальные отношения, отличает современные концепции. В частности, Иммануил Кант пересматривает прежние концепции пространства, усматривая в них определенный догматизм и антропологический дефицит. Пространство невозможно мыслить в отрыве от познающего субъекта. Кант рассматривает пространство как форму восприятия («форму чувственности»): у него пространство — это не объект, а форма восприятия объектов, условие возможности человеческого опыта. Тем не менее в своей попытке уйти от объективирующего взгляда на пространство Кант не идет до конца и в конечном счете контейнеризирует его, говоря о некоем едином, вбирающем в себя все пространстве. В итоге — противоречивым образом — опять появляется пространство как всеобъемлющий сосуд (некое Целое, которое всегда больше своих частей).

Противоречия концепции пространства Канта находят свое отражение в современном социальном воображаемом, которое является субъект-центристским и холистским одновременно. С одной стороны, субъект становится центральной познающей, смыслоконституирующей инстанцией. Место человека в обществе и его отношения с другими определяются уже не религиозно-метафизически, не традицией, а его действиями, то есть конвенционально и прагматически. С другой стороны, это высвобождение социально-пространственных отношений из-под власти традиции оборачивается новой формой контейнеризации социальной жизни — в форме национального государства, трактуемого в качестве Целого, которое всегда больше своих частей. Если в домодерных обществах социально-пространственная закрепленность объяснялась телеологически (индивид встраивался в иерархию отношений, данную «от Бога»), то в современных обществах его место легитимировалось идеологией и бюрократическими процедурами: границы его жизненного пространства приобрели национальный характер (в форме «национальной культуры», «национального языка», «национальных интересов», «национальной экономики» и т. д.).

Таким образом, можно обнаружить корреляцию между современными и домодерными трактовками пространства и соответствующими моделями описания общества. Зафиксированная корреляция, обнаруживающая нетематизируемое социально-философское содержание метафизических трактовок пространства, объясняет, кроме прочего, невозможность использования этих концепций для описания и объяснения современных социально-пространственных трансформаций, связанных с процессами глобализации. Трудности, связанные с использованием метафизических концепций для анализа социальных феноменов сегодня, можно объяснить как минимум двумя причинами: а) абстрактным характером (логоцентризмом) этих концепций, осложняющим их эмпирическую верификацию; б) а также характерной для них тенденцией к контейнеризации социально-пространственных отношений (как способа их легитимации).

Постметафизические концепции пространства: систематический анализ

После краткого обзора метафизических концепций и из социально-философских импликаций перейдем к анализу особенностей постметафизического подхода путем последовательного рассмотрения концепций пространства, разработанных в рамках феноменологической философии (Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера) и социальной теории (А. Лефевра, М. Фуко, Б. Верлена). К общим для всех этих концепций принципам можно отнести: а) отказ мыслить пространство каузально,

б) в отрыве от действующего субъекта; в) вне контекста повседневной жизни и практик по ее трансформации.

В феноменологической философии можно обнаружить два подхода: в зависимости от того, что служит в них отправным пунктом для экспликации опыта пространства, можно выделить парадигму телесности (Гуссерль, Мерло-Понти) и парадигму значимости (Хайдеггер). В первой из перечисленных парадигм тематизируется конститутивная роль человеческого тела как «нулевого пункта», задающего систему координат для ориентации человека в мире. Этот творческий аспект человеческого тела (воплощенного сознания) раскрывается в рамках анализа: а) восприятия пространственной вещи (Э. Гуссерль); б) intersubъективного измерения телесного опыта (М. Мерло-Понти). В парадигме значимости антропологическое измерение опыта пространства раскрывается посредством тематизации феномена значимости как взаимосвязи онтологических/прагматических отсылок, делающих возможной изначальную ориентированность человека в мире. Не отрицая значимости телесного опыта, Хайдеггер тем не менее не делает, в отличие от Гуссерля и Мерло-Понти, тело отправным пунктом в анализе пространства, поскольку, с его точки зрения, само тело нам необходимо сначала обнаружить как всегда уже ситуированное и ориентированное в смысловой структуре жизненного мира. Другими словами, анализ пространственности тела возможен только на основании анализа мировости как взаимосвязи значимости, а не наоборот. Несмотря на то что Мерло-Понти критически пересматривает многие положения Гуссерля (отказываясь занимать, в духе Гуссерля, созерцательную установку на мир и человеческое тело) и разделяет предложенное Хайдеггером понимание мира, его анализ пространственности через экспликацию феномена восприятия как связи живого тела и мира все-таки нуждается в дополнительных описаниях: для прояснения уникальной пространственности человеческого тела («пространственности ситуации») необходимо также описать специфическую структуру мира. Последнее предпринимает Хайдеггер, рассматривая вещи и человеческое тело не изолировано, а в контексте смысловой (априорной) взаимосвязи мира повседневности. Другими словами, в парадигме значимости не тело задает систему координат (соответствующие пространственные возможности) для действия, а смысловая/прагматическая структура жизненного мира, обнаруживающая себя в каждой практической ситуации.

Хайдеггеровское описание опыта пространства также требует существенных дополнений, которые способна предоставить парадигма телесности (в частности, анализ intersubъективного измерения пространственного опыта). Эксплицируя пространственность на основе мировости (то есть как структурный элемент вот-бытия как бытия-в-мире), Хайдеггер тем не менее сосредоточивает свое внимание большей частью на анализе пространственности опыта подручности, в котором социальное измерение этого опыта не раскрывается в полной мере. Говоря о необходимости в дополнениях, мы имеем в виду тематизацию специфической пространственности бытия-друг-с-другом (Mitdasein), которая с особой очевидностью дает о себе знать в феномене близости и особой привязанности к домашнему миру (родине, родительскому дому, святым местам и т. д.). Эта близость конституируется не отношениями, связанными неким «делом», как в случае с миром труда (опытом подручности), а отношениями экзистенциальной незаместимости: когда ориентиры моего существования (мои «здесь» и «куда») задаются координатами домашнего мира (его уникальными «там»). Прагматику, которая обнаруживается в структуре мировости как взаимосвязи значимости и дает о себе всякий раз знать в нашей пространственной ориентированности, необходимо понимать с учетом не только ее узко-практического (ради-чего), но и экзистенциального наполнения (ради-кого).

Телесный опыт пространственной ориентации связан с деятельностью по различению, протекающей в форме истолкования. Связь герменевтического и перформативного аспектов пространства становится, однако, понятной только тогда, когда воспри-

ятие понимается не просто как активность сознания (поведение), в духе Гуссерля, но как действие, наполненное смыслом и целью (своим «то-ради-чего» и «ради-кого»). Последний подход — анализ пространства в практической установке — демонстрируют, на наш взгляд, Мерло-Понти и Хайдеггер.

Расширение и углубление начатого в феноменологии рассмотрения социального измерения пространства в парадигме действия мы обнаруживаем в социально-теоретических подходах Анри Лефевра, Мишеля Фуко и Бенно Верлена. Так, неомарксист Анри Лефевр рассматривает пространство как «социальный продукт» и поднимает вопрос о его производстве в контексте проблемы производства и воспроизводства социальных отношений в повседневной жизни. Анализируя его с учетом трех моментов — репрезентаций пространства, пространств репрезентаций и пространственных практик, — Лефевр приходит к выводу, что социально-пространственные отношения не являются раз и навсегда заданными, а значит, их можно и нужно менять. Изменить общество означает для Лефевра изменить пространство. Поэтому его исследование разворачивается в форме критического анализа капиталистического общества, в котором доминирующую роль играет репрезентация пространства — абстрактное пространство профессионалов, разрушающее спонтанность, живую связь индивида с миром, формируя у него ложные представления и потребности. Пространство капиталистических отношений можно, с точки зрения Лефевра, трансформировать посредством креативной и революционной практик.

О том, что пространство конституируется социальными отношениями, а значит, требует социально-критического анализа, пишет и Мишель Фуко. Последний исследует пространство прежде всего как то, что производится и воспроизводится отношениями власти. Чтобы понять тот или иной социальный порядок (в том числе и для того, чтобы обнаружить возможности его трансформации), Фуко исследует гетеротопии — «иные пространства», открывающие маргинальную сторону социальной жизни, и говорит о динамичном характере отношений между властью, знанием и пространством, что предполагает (как и у Лефевра) возможность их изменять. Так, на примере больниц и тюрем Фуко описывает, как власть устанавливается посредством определенных манипуляций с пространством и временем, что приводит к формированию дисциплинарного общества. Не столько повседневные, сколько маргинальные практики (которые, следует заметить, «вырастают» из повседневности и трансформируют ее) позволяют, с его точки зрения, выявить отличия одного социально-пространственного порядка от другого. Эти уникальные переплетения власти, знания и пространства нужно искать не в центре, а на границах общества.

Бенно Верлен, отстаивая позицию методологического индивидуализма, тоже рассматривает пространство как измерение социального действия, практики. Однако, в отличие от Фуко и Лефевра, он не склонен сводить эти действия к отношениям власти или производства (труда). Также он отказывается рассматривать действие в духе бихевиористов как поведение, реакцию на некие стимулы. Связь между индивидом, обществом и пространством может стать понятной только в том случае, если мы будем анализировать действие в его интенциональности и телесности (как имеющую цель и смысл деятельность, способную преобразовывать действительность), учитывая при этом различные контексты человеческой практики (различные типы действия). Так, Верлен выделяет целерациональный, ориентированный на нормы и коммуникативный (интерпретативный) типы действия, которым соответствуют свои способы подхода к пространству в повседневной практике: а) для целерациональных (производственно-потребительских) действий — метрический подход; б) для ориентированных на нормы — нормативно-прескриптивный подход, выражающийся в территориализации (демаркации) пространства; в) для коммуникативных действий — информационно-сигнификативный подход. Особенности социально-пространственных отношений в том или ином обществе нужно, с точки зрения Верлена, изучать с учетом всех

трех измерений. Концепция Верлена оказывается, таким образом, важным дополнением не только к рассмотренным социально-теоретическим подходам к пространству (Лефевр рассматривал большей частью первый тип действия и характерный для него порядок пространственных отношений, в то время как Фуко – второй), но и к феноменологическому, конкретизируя тезис о связи способов бытия с соответствующими интерпретациями пространства и социально-пространственных отношений (то есть герменевтического и пеформативного аспектов опыта пространства).

Важной в подходе Верлена является также поднятая им проблема трансформации социально-пространственных отношений, связанная с процессами глобализации и развитием средств массовой информации. Медиализация этих отношений ведет к формированию нового «географического сознания», которое уже невозможно описать с опорой на метафизические подходы (покоящиеся на реификации (домодерная установка) и територизации (модерная установка) пространства). Для понимания этих трансформаций в повседневном опыте пространства необходимо, следуя логике Верлена, проанализировать характер действий, отличающий современный образ жизни.

Эристический потенциал постметафизических концепций пространства для современных социально-философских исследований

Новые формы социально-пространственных отношений (виртуальные офисы и университеты, дистанционные браки, многонациональные и многокультурные идентичности и т. д.), вызванные к жизни процессами глобализации, можно исследовать только в той парадигме, которая рассматривает пространство как измерение действия. Речь идет о рассмотренных выше постметафизических подходах, которые отказываются от свойственных метафизике бинарных оппозиций (тело – сознание, время – пространство и т. д.) и избегают всякого дуализма в своей трактовке человеческого действия. В действии пространство обнаруживается не в качестве вещи или идеи, а в качестве практической (дорефлексивной) схемы – системы координат, позволяющей человеку ориентироваться в повседневной жизни.

В связи с тем, что в современном мире глобальное стало неотъемлемой частью повседневных локальных практик, появилась необходимость в пересмотре прежних представлений о пространстве и социальном. В этой связи возникла потребность в такой концепции действия, которая позволила бы описать не только хорошо знакомые, но и совершенно новые формы организации социально-пространственных отношений. Такую – интегральную – концепцию разрабатывает, с нашей точки зрения, Ханс Йоас в своей теории креативного действия, которая является своего рода синтезом феноменологического и социально-теоретического подходов. Анализируя интенциональный характер, специфическую телесность и изначальную социальность человеческого действия, Йоас выстраивает модель действия, в которой не только подчеркивается значение интересубъективного измерения и преодолевается психофизический дуализм, свойственный моделям рационального действия, но и устранивается возможность его активистского (конструктивистского) толкования. Действие вызывается к жизни ситуацией и отношениями, в которую вовлечен тот, кто его совершает. Ситуация как переплетение различных смыслов и возможностей является тем вызовом, на который человеку приходится (креативно) отвечать. Так, телесность оказывается у Йоаса условием возможности креативности, которая, в свою очередь, выражается в конкретизации тех или иных возможностей пространства.

То, с чем мы столкнулись в результате процессов глобализации, корректнее описать не как девальвацию, а как диверсификацию и гибридизацию социально-пространственных отношений, в которых открываются новые возможности той практической (прагматической) схемы, которую мы называем пространством. Глобализационные процессы не уничтожают пространство, они скорее позволяют ему обнаружиться в качестве гетерогенного интересубъективно (нормативно) значимого пространства, обладающего динамичными контурами. Это пространство различий, анализ ко-

того возможен в координатах, задаваемых понятиями ситуации, действия и значимости. Этот дискурсивный треугольник позволяет не только уйти от метафизических трактовок пространства, но и наметить контуры единой — перформативистской — теории пространства, в основание которой лягут рассмотренные нами постметафизические концепции. Именно центрированный на действии/практике подход к пространству позволит преодолеть метафизический взгляд на такие пространственные категории, как «дом», «место работы», «родина», «нация», «культура», и рассмотреть их как имеющие перформативную хиазматическую структуру.

Процессы глобализации привели к образованию гибридных идентичностей (как индивидуальных, так и коллективных), которые возникают не эксклюзивным (в результате разграничения), а инклюзивным (в результате скрещивания и переплетения различных нормативных порядков, культур и стилей жизни, существующих друг-подле-друга) образом. В рамках теории глобализации эта — инклюзивная — точка зрения представлена трансформационалистами, предлагающими, в отличие от гиперглобалистов (оптимистов) и скептиков (пессимистов), более комплексный подход к анализу этого явления. Речь идет о взгляде на глобализацию как амбивалентный многомерный процесс, в котором постепенно исчезают одни границы и возникают другие, что ведет к увеличению рисков и одновременно открывает новые опции для действия.

Описанные изменения связаны с серьезными трансформациями социально-пространственных отношений, результатом которых стало появление нового — транснационального — поколения людей (*generationglobal*), в основании действий которого можно обнаружить новое понимание культуры и политического. Границы новой — перформативной — идентичности определяются не фактом принадлежности тому или иному национальному государству, а масштабом и «фокусом» человеческой деятельности. Анализ этого поколения требует космополитической перспективы, которая смогла бы удержать во внимании локально-глобальный характер его действий.

С особой очевидностью перформативный аспект в формировании (пространственной) идентичности дает о себе знать при анализе жизни в большом городе, который, с нашей точки зрения, может служить сегодня базовой моделью организации современного общества, структурными характеристиками которого являются гетерогенность, гибридность, децентрированность и контингентность. Не национальные государства, а мегаполисы являются сегодня «социальными лабораториями», предоставляющими доступ к современной социальной действительности. Город можно описать как процесс, перформанс, в котором (креативно) воплощается особый порядок организации пространства и времени. Совокупность практик, стилей, жестов, возникающих в этом процессе и поддерживающих его, называется обычно городской культурой. Чтобы понять специфику того или иного города, нужно обнаружить характерные для него социально-пространственные практики, в которых производятся и воспроизводятся те или иные ценности и нормы.

Анализируя современный город и процессы урбанизации, важно при этом не сводить городскую культуру к культуре потребления, а действие — к труду, соответственно, процессу производства и потребления. Не отрицая значения экономического фактора в формировании больших городов, мы тем не менее считаем, что структурные особенности того или иного городского пространства как уникальной материально-смысловой констелляции задаются не только этими практиками и соответствующими сообществами. Для становления городской культуры ключевую роль играют практики и сообщества, отрицающие ценности выживания, навязанные обществом потребления периода индустриального капитализма. Речь идет о богеме и характерном для ее представителей дендизме, выражающемся в бунте против буржуазной городской культуры (с целью ее преобразования). Отстаивая ценности свободы и самореализации, богема создает свой собственный — иной — мир (в форме гетеротопий).

Если город не реализует свой креативный потенциал, не становится пространством самореализации, бунта и свободы, то тогда мы имеем дело с квази-городом и квази-городской культурой. Высокие темпы урбанизации, как показывают исследования городов стран «третьего мира», к сожалению, не оборачиваются ростом свободы и формированием городской культуры. Напротив, урбанизация здесь приводит к росту трущоб и бедности, что заставляет пристальней проанализировать тип действий и соответствующие практики, которые стоят за этими процессами. Последний тезис, таким образом, позволяет наметить одно из возможных направлений для прикладного исследования пространства с опорой на центрированные на действиях постметафизические подходы.

Библиографический список

1. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
2. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М., 1989.
3. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993
4. Лейбниц Г.В. Переписка с Кларком и Н. Ремоном. 1713–1715–1716 // Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 430–568. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000495/st000.shtml>.
5. Лейбниц Г.В. Монадология // Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 413–429. URL: <http://vzms.org/monada.htm>.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер с фр. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента: Колизей, 1999.
7. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер с фр. О.Н. Шпараги; под ред. Т.В. Щитцовой. Минск: И. Логвинов, 2006.
8. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.
10. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1988.
11. Beck U., Beck-Gernsheim E. Generation Global // Beck U. (Hg.) Generation Global. EinCrashkurs, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007.
12. Foucault M. The Incorporation of the Hospital into Modern Technology // Crampton J. and Elden S. (Ed.), Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography, Hamshire, Burlington: Ashgate, 2007.
13. Foucault M. Des espacesautres [1967/1984] // Architecture, mouvement, continuité. № 5 (octobre 1984), p. 46–49.
14. Heidegger M. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität).Gesamtausgabe, Bd. 63. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann, 1988.
15. Husserl E. Ding und Raum: Vorlesungen 1907. Hamburg: Meiner, 1991.
16. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.
17. Werlen B. Gesellschaft, Handlung und Raum: Grundlagen handlungs theoretischer Sozial geographie. Stuttgart: Steiner, 1997.
18. Werlen B. Sozialgeographie: Eine Einführung. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag, 2004.

References

1. Husserl E. Ideas on pure phenomenology and phenomenological philosophy. Translation by A.V. Mikhailov. M., «Dom intellektual'noi knigi», 1999 [in Russian].
2. Descartes R. Principles of philosophy in Descartes R. Writings: In 2 Vols. M., 1989 [in Russian].
3. Kant I. Critique of Pure Reason. SPb., IKA «ТАЙМ-АУТ», 1993 [in Russian].
4. Leibniz G.W. Correspondence with Clark and N.Remon. 1713–1715–1716 in *Writings in 4 Vols. Vol. 1.* M., Mysl, 1982, pp. 430–568 [online]. Retrieved from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000495/st000.shtml> [in Russian].

5. Leibniz G.W. The Monadology in *Writings in 4 Vols. Vol. 1*. M., “Mysl’”, 1982, pp. 413–429. [online]. Retrieved from: <http://vzms.org/monada.htm> [in Russian].
6. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception. Translation from French by I.S. Vdovina, S.L. Fokin. SPb., Iuventa, Kolizei, 1999 [in Russian].
7. Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible. Translation from French by Shparagi O.N., T.V. Shchitcova (Ed.). Minsk., I. Logvinov, 2006 [in Russian].
8. Newton I. Mathematical Principles of Natural Philosophy. M., Nauka, 1989 [in Russian].
9. Heidegger M. Being and time. Translation by V.V. Bibikhin. M., AdMarginem, 1997 [in Russian].
10. Heidegger M. Prolegomena to the history of notion of time. Tomsk., Vodolei, 1988 [in Russian].
11. Beck U., Beck-Gernsheim E. Generation Global. In: *Beck U. (Hg.) Generation Global. EinCrashkurs*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2007 [in German].
12. Foucault M. The Incorporation of the Hospital into Modern Technology. In: *Crampton J. and Elden S. (Eds.), Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Hamshire, Burlington, Ashgate, 2007 [in English].
13. Foucault M. Des espaces autres [1967/1984]. *Architecture, mouvement, continuité*, no. 5 (Octobre 1984), p. 46–49 [in French].
14. Heidegger M. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Gesamtausgabe, Bd. 63. Frankfurt am Mein, Vittorio Klostermann, 1988 [in German].
15. Husserl E. Ding und Raum: Vorlesungen 1907. Hamburg, Meiner, 1991 [in German].
16. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, Blackwell, 1991 [in English].
17. Werlen B. Gesellschaft, Handlung und Raum: Grundlagenhandlungstheoretischer Sozialgeographie. Stuttgart, Steiner, 1997 [in German].
18. Werlen B. Sozialgeographie: Eine Einführung. Bern, Stuttgart, Wien, Haupt Verlag, 2004 [in German].

*Yu.A. Biedash**

ON THE POSTMETAPHYSICAL APPROACH IN SPACE ANALYSIS

One of the distinguishing features of postmetaphysical thinking is an attention to the spatial aspect of human being which obtained the status of «spatial turn» in the past decade. Now a matter of considerable interest is not just the question «What is space?», but triadic relation – society-action-space. This shifting – from space as a research object (space as such) to the social significance of spatial dimension – is bound up first of all with performativistic concepts that consider space as a pragmatic and dynamic scheme materializing in the everyday repertoire of human actions. The thesis is dedicated to the analysis of connection between social dynamic and transformations of space interpretations as well as to the explication of heuristic potential of performativistic concepts of space for contemporary social philosophy.

Key words: space, performativistic concepts of space, spatial turn, action-oriented paradigm.

Статья поступила в редакцию 25/VIII/2015.
The article received 25/VIII/2015.

* *Biedash Yuliya Anatoljevna* (ybiedash@hse.ru), School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Reserch University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.